

Г.Л. Сперанская

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧИ В СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНОЙ И СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЙ ПАРАДИГМЕ

THE COMPARISON SPEECH ANALYSIS AT SUBJECT-SUBJECT AND SUBJECT-OBJECT PARADIGM

В статье рассмотрены существенные признаки речи в различных методологических подходах и продуктивность ее понимания как диадной общности. При этом субъект-объектная и субъект-субъектная направленность речи представлены как два уровня ее организации и как отдельные виды общения. Показано, что диадное исследование речи требует специфических методов.

The article deals with the main speech characteristics as attached to different methodology trends. It is asserted effective speech dyadic interpretation. Moreover subject and object speech direction are presented simultaneously as two modes of its structure and two kinds of speech interaction. It is also stated that dyadic speech research needs special method application.

Устная речь представляет собой сложно структурированный, взаимный, целостно организованный процесс, в котором говорящий и слушающий связаны общностью временной и поведенческой организации, переживания, предметной отнесенности речи. При этом происходит объединение наличного содержания сознания участников речевого общения и возникает новая психологическая реальность – межличностная. Столь сложно организованный процесс требует и соответствующего методологического обоснования, в качестве которого выдвигается субъект-субъектная парадигма. Однако к настоящему времени как в отечественной, так и в зарубежной психологии преимущественное распространение получила субъект-объектная парадигма и редукционистские представления о речи, приемлемые для более простых областей знания, как, например, теория информации. Использование в психологии упрощенных – однонаправленных и статичных – моделей речевого общения приводит к дефициту теоретических и прикладных разработок. Поэтому проблемы речевого развития на всех этапах онтогенеза, столь важные в настоящее время для общественной практики, являются мало изученными или вообще неизученными, как, например, речевое развитие взрослых.

Основной проблемой психологии является соотношение речи и предметной действительности. Понимание речи в субъект-объектной отнесенности приводит к утверждениям о том, что её возникновение в филогенезе и развитие в онтогенезе совершается как постепенное называние предметов и признаков, их связей во внешней предметной действительности. Поэтому повсеместно излагается идея о том, что в процессе трудовой деятельности потребность «человека» что-то сказать и вызвала появление языка и речи. Например, А.Р. Лурия специально подчеркивает, что язык возник в результате взаимодействия чело-

века с предметной действительностью [1]. Признание предметной среды непосредственным источником появления речи приводит к ее переоценке, вызывающей иллюзии о достаточности организованной внешней среды для успешного развития ребенка. При этом принижается влияние и роль личности в воспитании и обучении. В то же время организацию речи как межиндивидуального процесса обосновал в отечественной психологии Б.Ф. Поршнев [2,3], показав, что речь – при появлении определенных физиологических механизмов в функционировании мозга – возникает в филогенезе как результат развития прямого поведенческого – голосового и жестового – влияния одной особи на другую. Такое воздействие эволюционирует в систему сложных суггестивных и контрсуггестивных межиндивидуальных механизмов, в которые затем включаются и приобретают языковую отнесенность внешние предметные стимулы. Признание первичности языка и речи относительно предметной действительности приводит к принципиальному пересмотру теоретических основ как организации и развития речи, так и соответствующей психолого-педагогической практики.

Представляется необходимым уточнить и вопрос первичности внутреннего и внешнего звена речи в говорении и слушании. Известно, что первичность внешнего плана речи фактически утверждал Л.С. Выготский, рассматривая внутреннюю речь у ребенка результатом свертывания его эгоцентрической речи. Первичность внутреннего или внешнего звена при слушании речи также является дискуссионной: мы слышим то, что нам говорят, или то, что можем осознать в том, что нам говорят. Поэтому анализ речевого процесса в субъект-субъектной парадигме позволяет уточнить место и роль его внутриречевого звена. Так, высказывание является результатом экстернизации содержания внутренней речи и выражает поэтому уровень её развития. При этом непосредственно осмысляемое и выражаемое в речи содержание сознания находится в пределах исключительно активного словаря говорящего [4]. В свою очередь, внешнее звено говорения – высказывание – является одновременно и внешним звеном для процесса слушания, в котором первичной также выступает внутренняя речь слушателя как обеспечивающая постижимый для его понимания объем и содержание звучащей речи. Понимание речи оказывает в свою очередь непрерывное обратное влияние на содержательную структуру и объем высказываемого, либо ограничивая, либо стимулируя самовыражение говорящего. Таким образом, внешнее звено говорения – высказывание – оказывается промежуточным и единственным наблюдаемым звеном в речевом процессе, в то время как его исходное и конечное звено – внутриречевое – не наблюдаемо, составляя субъективное, совместно переживаемое участниками общения содержание. Следовательно, внутренняя речь говорящего и слушающего являются соответственно начальным и конечным звеном речи, причем их содержательная структура не может быть зафиксирована непосредственно. Единственным способом познания содержания внутриречевого звена общения является интерпретация и реконструкция высказывания. Таким образом, внутреннее звено речи – и у говорящего, и у слушающего – первично, регулирует её внешнее звено.

Распространенным в субъект-объектной парадигме является взгляд на речь как на деятельность и понимание поэтому некоторыми авторами и текста как продукта индивидуальной речевой деятельности [5]. Учитывая, однако, наличие микро- и мезакинетической связи говорения и слушания, взаимного отращения и адаптации участников общения [6], приходится признать, что речь

является не индивидуальным, а межиндивидуальным процессом, так же как и сам «текст» представляет собой «продукт» межиндивидуальной внутриречевой активности. Поэтому как язык является продуктом коллективной жизни людей, так и пользование им в речи также является не индивидуальным, а общественным процессом.

В настоящее время все еще, как и в последние десятилетия, используется «передаточная» модель общения, в которой речь представлена как последовательность этапов, включающих в себя перевод и кодирование идеи в сигнал передатчика, а затем передачу этого сигнала на приёмник и «декодирование» его в сообщение. Д.В. Верч отмечает, несмотря на наличие в модели и процесса обратного движения в виде ответа «реципиента», что принцип ее организации сохраняется [7]. Он также указывает на наличие предшественников такого представления об общении, восходящих как минимум к Локку. Сходную модель общения – дистанционную модель коммуникации, которая принята в теории информации К. Шеннона, теории ролевой игры и других, критиковал также и А.У. Харащ [8]. В обоих типах моделей речь рассматривается как посылка в сознание реципиента коммуникативных импульсов – слов, сообщений – при отстоящих друг от друга и противостоящих друг другу «коммуникаторе» и «реципиенте». Отметим, что указанные модели критикуют за их односторонность и дистантность, которые «обрекают» собеседников быть автономными, действующими поочередно, оторванными друг от друга субъектами. Модели речи, общения, сохраняющие блочно-схематическое представление о столь сложно организованных процессах сознания, повсеместно используются в когнитивной психологии. Все они отражают принципиальные основания субъект-объектной парадигмы, в рамках которой развивается большинство психологических школ и направлений.

В то же время подчеркивание связности, взаимности, двунаправленности, одновременности, содержательной и поведенческой общности говорения и слушания приводят к пониманию речи, общения как диадного. И именно такая их организация является исходным основанием для исследования всех форм, уровней, элементов речевых процессов. Более того, диадность, как выявляется в различных исследованиях, является существенным признаком организации сознания, от чего, как выражается М. Бубер, «каждый живёт в двойственном Я» [9, с. 52]. Поэтому человек, по мнению В.А. Кольцовой, непрерывно испытывает потребность в общении с другими людьми, что определяет потенциальную непрерывность последнего как необходимого условия жизнедеятельности [10]. О непрерывности и повсеместности общения писал и W.S. Condon, сравнивая его активность с электромагнитным полем [11]. Свойственная внутренней речи установка на объективацию, наречение также показывает потенциальную готовность человека к общению [12]. Известно также, что деструктивное воздействие на психическое здоровье людей оказывают не тяжелые внешние обстоятельства, а именно одиночество: при длительном нахождении в сурдокамере наблюдается выделение из собственного сознания «экстериоризационного партнера» для общения [13], а патология общения часто приводит к раздвоению личности. Вполне закономерным является поэтому мнение о том, что между каждыми двумя элементами сознания, и внутри каждого элемента можно и необходимо искать диалогические – мы бы сказали диадные – структуры [14].

Эти структуры и выявляются в некоторых исследованиях: при индивидуальном решении задач по мере возрастания их сложности происходит переход от монологизации к диалогизации речевой формы мыслительного процесса [15]; Жане и Риньяно было доказано, что всякое рассуждение является результатом внутреннего спора [цит. по 16]. Отметим, что субъект-объектная интерпретация речевого процесса приводит к узкому пониманию фактов диадности общения, потребности в нем. Например, при субъект-объектном анализе считается необходимым развивать потребность в общении, при субъект-субъектном – удовлетворять её. Отметим также, что использование в психологии терминов «монолог», «монологическая речь» допускает существование независимого и автономного говорящего. В целом, как считает Ю.М. Лотман [цит. по 7], если текст служит диалогической функции, его невозможно объяснить с позиций передаточной модели речи.

Исследование речи как диадного процесса требует использования специальных теоретических подходов, методов и методик. Например, утверждение субъект-субъектной парадигмы в подходе к анализу общения, как считает В.А. Кольцова, связано с переходом от одноуровневого его анализа к многоуровневому [10]. В свою очередь, Л.А. Радзиховский рассматривает диалогизм как универсальное свойство сознания, а диалогический процесс – целостным и нерасчленимым, составляющим единство психического и совмещающим противоположные позиции, не имеющим поэтому структуры, выражаемой на логическом языке [14]. Тем не менее блестящим психологическим исследованием в подходах субъект-субъектной парадигмы является мысленный эксперимент Б.Ф. Поршнева по реконструкции филогенеза речи [2, 3]. Представляется, что заимствование психологией понятия дискурса является попыткой приступить к диадному изучению общения. Поэтому в психологии популярными являются идеи М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, в литературоведческих работах которых рассматривается образная модель диалогического понимания речи. Однако субъект-субъектный анализ речи наиболее полно и системно представлен в философских работах О. Розенштока-Хюсси [17, 18].

Следует отметить, что ведущим, а также наиболее сложным для исследования, уровнем организации речи в субъект-субъектной парадигме является возникающая в процессе речевого общения новая психологическая реальность, своеобразный «совокупный субъект» [10], представленная содержательной общностью, одновременно переживаемой говорящим и слушающим. Эта общность является временной, субъективной, динамичной и продуктивной, интегрирующей ниже лежащие уровни организации речи и управляющей ими. Диадность, взаимность организации речи рассматривает в своей монографии А. Testa, обосновывая также диадный, или коллективный способ существования сознания [19]. Автор считает, что высказывание обретает свою форму и сохраняет целостность этой формы и содержания, запоминается и осмысливается только если оно реализовано в процессе общения в другом, то есть в слушателе. Понимание нового слова А. Testa также соотносит с интерпретацией его в контексте совместно переживаемого содержания общения, причем подчеркивает, что слово приобретает своё значение только будучи услышанным другим. Автор указывает, что предметное содержание речи является не столько следствием коммуникативных намерений, целей самого говорящего, как это акцентирова-

ется в субъект-объектной парадигме, сколько возникающей между собеседниками психологической общности. Аналогичные утверждения высказывают и другие авторы [20, 8].

Попытку объединения двух подходов к пониманию речи предпринял Д.В. Верч [7]. Он приводит мнение Ю.М. Лотмана о том, что во всякой социокультурной среде можно обнаружить обе функции текста: «диалогичную» (по М.М. Бахтину) и «монологичную»; причем в определенных областях деятельности, в разные исторические периоды доминирует либо одна из них, либо другая. Идею двух полюсов речи – обращенной к «Ты» или к «Оно», то есть «диалогичной» или «монологичной» – развивал в своих работах М. Бубер [9]. Отношение «Я» – «Оно» он рассматривал как причинное, обращенное в настоящее, замкнутое на себе самом, реализующее субъектность «Я», ограниченное познанием мира, рядом с «Ты». Отношение же «Я» – «Ты» он раскрывал как обладающее свободой, обращенное в будущее, открытое для других, создающее субъективность «Я», позволяющее познавать мир в «Ты» и через «Ты». М. Бубер подчеркивал таким образом двойственность, обратимость речи: «речь – «Ты» прекращается, когда исчезает двойственность» [9, с. 52]. Автор даже высказывает мнение о том, что нет двух родов человека – есть два полюса человечества. Тем самым М. Бубер обосновывает существование различных видов общности при субъектной и объектной направленности речи.

Эффективность речевого воздействия при различной направленности устной речи (пропаганды) раскрывает А.У. Харац. Он рассматривает в речи два последовательных процесса, первый из которых составляет основу второго: «личностное включение» в жизнедеятельность слушателя и «внесение содержания» в его сознание [8]. Причем монологичная направленность речи, как отмечает автор, приводит к так называемому «авторитарному включению» и малоэффективному усвоению её содержания, в то время как «диалогическое включение» в сознание друг друга вызывает доверие к говорящему, пролонгированный контакт с ним, эффективное усвоение сообщения. Также и Т.А. Флоренская пишет о различиях в речи в зависимости от того, обращается ли говорящий к собеседнику как к «объекту воздействия», то есть формально, манипулятивно, или как к субъекту [20]. Так, в субъект-объектном обращении слово-высказывание, по её мнению, не «рождается», а вспоминается и употребляется; в субъект-субъектном же общении, которое возникает, если собеседник становится центром внимания как неповторимая индивидуальность, происходит «рождение» слова. Иными словами, переживание собственного предметного содержания речи качественно различно при разной её направленности – либо на внутренний мир слушателя, либо на внешний план его поведения. Отметим, что речь учителя также имеет качественно специфичную содержательную и процессуальную организацию в зависимости от своей обращенности либо к внутреннему, либо к внешнему плану сознания учащихся [21].

Направленность речи во вне без учета слушателя, в том числе и в его отсутствие, свойственна так называемой эгоцентрической речи у детей. Подобная речь появляется и у взрослых в условиях одиночества при длительном нахождении в сурдокамере, но названа авторами «репортажной» речью [13], так как называет восприятия и действия испытуемого. Можно предположить, что причиной появления такого вида речи является потребность большей контроли-

руемости и осознаваемости собственных действий и поведения. Кроме того, если исходить из принципа диадности речи, можно рассматривать «репортажную» речь как создающую «эффект присутствия» другого человека, наблюдателя. Подобная однонаправленная речь может наблюдаться и при психических расстройствах как неконтролируемое название собственных представлений. В любом случае, речь-название всегда имеет упрощенную содержательную организацию, так как обладает, как считает Ж. Пиаже, низким уровнем произвольности. Последний вызван в «эгоцентрической» речи соположением представлений вместо их связывания вследствие ограниченности мысли внутри своего «Я», отсутствия управляющего центра (которым является, как нам представляется, слушатель). «Только соприкосновение с другими, обмен мнениями и противоречия заставляют мысль осознавать свои цели и тенденции и, таким образом, принуждают её связывать между собою то, что до тех пор могло оставаться соположением» [22, с. 14]. Ж. Пиаже называет связную мысль (добавим, речь) «социализированным разумением». Отметим, что в условиях экспериментального одиночества наблюдался еще один вид речи – диалогический, обращенный к «экстериоризационному партнеру» [13]. Таким образом, человек пользуется речью и в ситуациях одиночества, в которых она звучит либо для воображаемого другого, либо непосредственно к нему обращена. Представляется, что именно философская и художественная рефлексия личностных переживаний в общении с различной направленностью речи представлена в работах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, М. Бубера, О. Розенштока –Хюсси и других авторов.

Реконструируя филогенез речи, Б.Ф. Поршнев также выделил в её последовательном развитии два вида направленности: сначала во вне к другому при несформированном еще ответе, затем во вне к другому с ожиданием, возможностью ответа и последующим ответом [3]. Первый вид речи имел суггестивную функцию, так как был призван внести в «сознание» другого образ, добиться действия. По мере дальнейшего филогенетического развития речи возникла и структура ответа как взаимного продуктивного содержательного переживания. Новый уровень речевого воздействия Б.Ф. Поршнев считает убеждающим. Таким образом, в филогенетическом механизме речи сосуществует два её механизма: речь однонаправленная, несущая директивное содержание, и речь двунаправленная, запускающая в сознании слушателя «механизм» взаимности.

Таким образом, межиндивидуальная организация речи – взаимность, общность, связность, одновременность говорения и слушания – выступает как исходная характеристика: все явления в речи, ее формы, виды, предметное и психологическое содержание могут быть изучены только в их субъект-субъектной отнесенности. Рассмотрение речи – говорения и слушания – в субъект-объектной парадигме исходит из их прерывистости, однонаправленности, дистантности, последовательности, автономности, отчего границы анализа речи, диапазон её выявляемых свойств значительно сокращаются, интерпретационные возможности сужаются, понимание столь сложно организованной реальности, как речевой процесс, в значительной степени упрощается. При этом характеризующие формы направленности речи составляют системное единство: диадная организация речи интегрирует однонаправленное речевое поведение и объясняет его.

1. *Лурия А.Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Москва, 1979.
2. *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии / Б.Ф. Поршнев // Вопросы психологии. – 1968. – № 5. – с. 11 – 31.
3. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). / Б.Ф. Поршнев. – Москва: «Мысль», 1974. – 488 с.
4. *Сперанская Г.Л.* Внутренняя речь при использовании активного и пассивного словарного запаса / Г.Л. Сперанская // Ананьевские чтения – 2007: Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2007 / Под редакцией Л.А. Цветковой. – СПб.:Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – с. 49 – 51.
5. *Фомина Н.А.* Языковая личность как единый лингвopsихологический объект изучения / Н.А. Фомина // Поверх барьеров: человек, текст, общение. Тезисы научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А.А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2006. – с. 169 – 174.
6. *Кириленко Г.Л.* Общение в процессе овладения иностранным языком / Г.Л. Кириленко. – Дисс. канд. психол. наук, 1986. – 197 с.
7. *Верч Д.В.* Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию: Учебное пособие для высшей школы / Д.В. Верч. – Москва: Тоивала, 1996. 175 с.
8. *Хараш А.У.* Межличностный контакт как исходное понятие психологии устной пропаганды / А.У. Хараш // Вопросы психологии. – 1977. – № 4. – с. 52 – 63.
9. *Бубер М.* Я и Ты / М. Я. Бубер // Два образа веры. – Москва: Республика, 1995. – с. 16 – 92.
10. *Кольцова В.А.* Общение и познавательные процессы / В.А. Кольцова // Познавание и общение. – Москва: «Наука», 1988. – с. 10 – 23.
11. *Condon W.S.*, The Relation of Interactional Synchrony to Cognitive and Emotional Processes // The Relationship of Verbal and Nonverbal Communication. –The Hague: Mouton, 1980. – P. 49 – 65.
12. *Ананьев Б.Г.* К теории внутренней речи в психологии / Б. Г. Ананьев // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена (Психология). – Ленинград, 1946. – Том 53. – с. 155 – 178.
13. *Кузнецов О.Н., Лебедев, В. И.,* Об экстернизационных реакциях в условиях длительного одиночества / О. Н. Кузнецов // Вопросы психологии. – 1968. - № 1. – с. 31 – 48.
14. *Радзиховский Л.А.* Диалог как единица анализа сознания / Л.А. Радзиховский // Познавание и общение. – Москва: «Наука», 1988. – с. 24 – 35.
15. *Кучинский Г.М.* Диалог в процессе совместного решения мыслительных задач / Г. М. Кучинский // Проблема общения в психологии. - Москва: «Наука», 1981. – с. 92 – 120.
16. *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – Санкт-Петербург: Союз, 1997. - 254 с.
17. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – Москва: Лабиринт, 1994. – С. 320.
18. *Розеншток-Хюсси О.* Бог заставляет нас говорить / О. Розеншток-Хюсси. – Москва: КАНОН + ИО "Реабилитация", 1998. – С.5- 53.
19. *Testa A.* The Dialogue Structure of Language. Words and Men / A. Testa // Biblioteca del dialogo // Serie Euromediterranea, 1. - Capelli, 1970. – 145 p.
20. *Флоренская Т.А.* Наука о душе / Т. А. Флоренская. – Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. – 208 с.
21. *Сперанская Г.Л.* Организация речевого общения педагога при развитии и выявлении одаренности / Г. Л. Сперанская // Развитие системы обучения и воспитания одаренных учащихся: Материалы республиканской научно-практической конференции 25 ноября 2005 г. - Минск: НИО, 2005. – С.156 – 161
22. *Пиаже Ж.* Суждение и рассуждение ребенка /Ж. Пиаже. – Санкт-Петербург: Союз, 1997. – 286 с.